

89/
Д. 362

А. Дерман

„Академический Инцидент”

(История ухода из Академии Наук
В. Г. Короленко и А. П. Чехова,
в связи с „раз’яснением” М. Горького)

(По материалам архива В. Г. Короленко)

КРЫМИЗДАТ
СИМФЕРОПОЛЬ
1923

10926
352

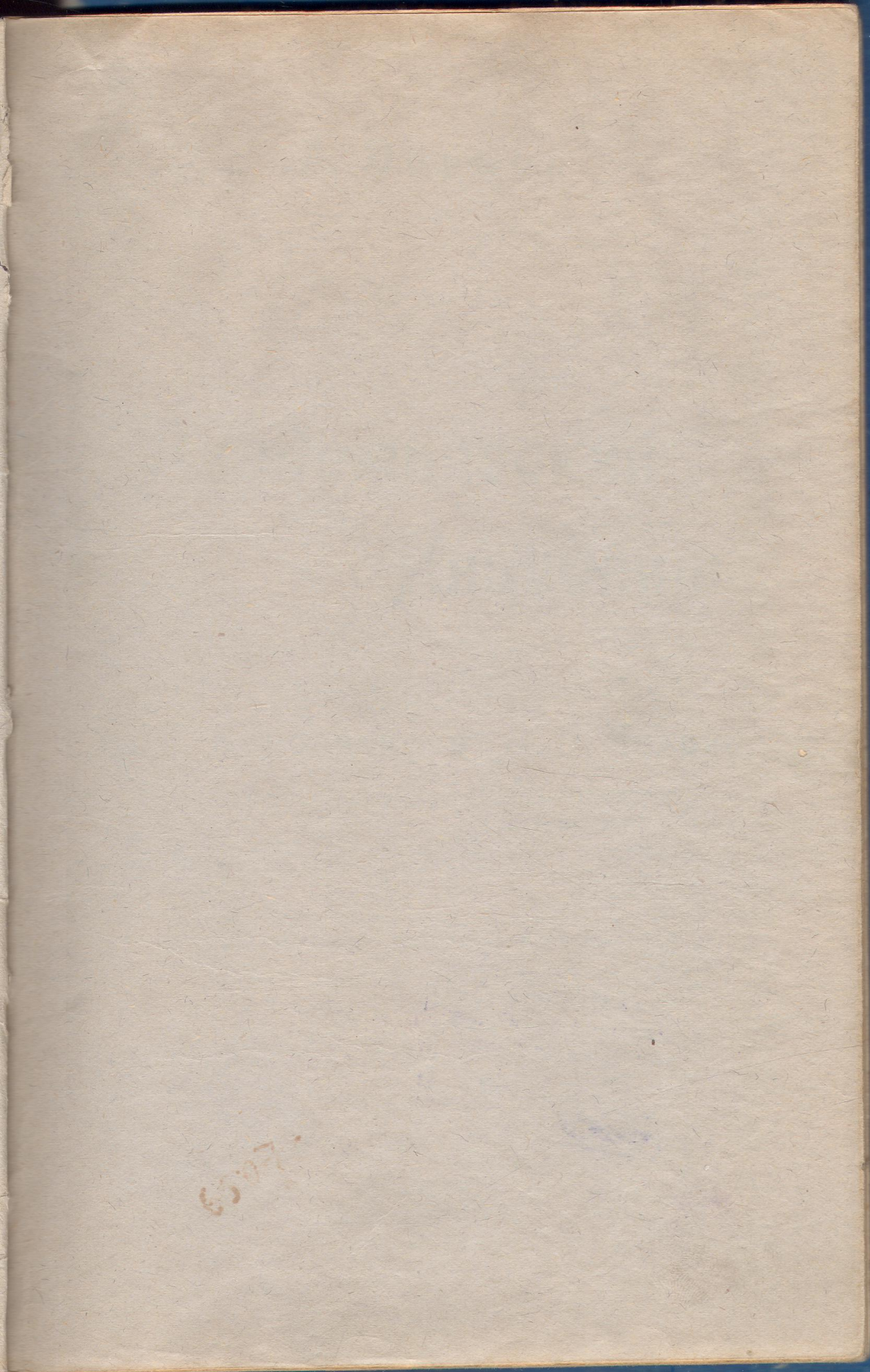
A565962

~~10926~~ 18

V.N. Karazin Kharkiv National University

01112382 4

100

This image shows a blank, aged, cream-colored page, likely an endpaper or flyleaf of a book. The paper has a slightly textured appearance with some minor creases and discoloration, particularly along the edges. There are faint, illegible markings scattered across the surface, which appear to be ink bleed-through from the reverse side of the page. The overall tone is a warm, off-white or light beige.

5072

891.7-4
~~296~~
436

9642 ✓

в связи с „раз'яснением“ М. Горького)

БІБЛІОТЕКА
Общ. Правління Спілки
Рад. письменників
Інв. № 8036
ПЕРЕПРЕНО

1923

Киз. № 37. Отпечатано 5000 экз.

Р. В. Ц. № 51 Севастополь

Вторая Государственная типография Кримполиграфтреста, ул. Троцкого, 30

В предлагаемой книге читатель найдет изложение академической истории, или, как называли это в то время, „академического инцидента“, когда, в виде протеста против грубого нарушения властью независимости высшей в России ученой учреждения и нанесенного достоинству его членов оскорбления, В. Г. Короленко и А. П. Чехов сложили с себя звание почетных академиков. История эта в свое время взволновала широкие слои русского образованного общества, самые формы реагирования которого на это событие были чрезвычайно характерны для представителей более крайних и более умеренных общественных течений.

Теперь все это—уже подлинная история. Невольный виновник инцидента, Максим Горький, избравшееся которого в почетные академики и подало сигнал к разыгравшейся истории, исполнял в ней совершенно пассивную роль. Все же активные участники события, имена коих упоминаются в книге, уже сошли с жизненной сцены, последним—наиболее активный ее участник, Владимир Галактионович Короленко.

В его архиве хранится пакет с надписью: „Акад. инцидент“, заключающий в себе переписку и документы, относящиеся к данному эпизоду. Они-то и положены в основу нашего изложения. Небольшая часть этих материалов в свое время была опубликована, большая часть—печатается впервые в настоящем издании.

За предоставление мне материалов архива В. Г. Короленки и поистине дружескую помощь при их обработке—выражаю свою глубокую благодарность семье покойного писателя.

А. Дермах.

It is a very common mistake to suppose that the
ancient Egyptians were a very different race from
the modern Egyptians. In fact, the modern
Egyptians are the same race as the ancient
Egyptians, and the only difference is in their
appearance. The modern Egyptians are
taller and darker than the ancient
Egyptians, but they are the same race.
The modern Egyptians are the same race as
the ancient Egyptians, and the only
difference is in their appearance.

The modern Egyptians are the same race as
the ancient Egyptians, and the only
difference is in their appearance. The
modern Egyptians are taller and darker
than the ancient Egyptians, but they are
the same race. The modern Egyptians are
the same race as the ancient Egyptians,
and the only difference is in their
appearance.

The modern Egyptians are the same race as
the ancient Egyptians, and the only
difference is in their appearance. The
modern Egyptians are taller and darker
than the ancient Egyptians, but they are
the same race. The modern Egyptians are
the same race as the ancient Egyptians,
and the only difference is in their
appearance.

The modern Egyptians are the same race as
the ancient Egyptians, and the only
difference is in their appearance. The
modern Egyptians are taller and darker
than the ancient Egyptians, but they are
the same race. The modern Egyptians are
the same race as the ancient Egyptians,
and the only difference is in their
appearance.

The modern Egyptians are the same race as
the ancient Egyptians, and the only
difference is in their appearance. The
modern Egyptians are taller and darker
than the ancient Egyptians, but they are
the same race. The modern Egyptians are
the same race as the ancient Egyptians,
and the only difference is in their
appearance.

I.

29-го апреля 1899 года, в связи с исполнившимся столетием рождения Пушкина, был издан высочайший указ об учреждении при втором Отделении (Русского языка и словесности) Академии Наук Разряда изящной словесности. В этот Разряд могли быть избираемы почетные академики—выдающиеся представители литературы и науки. 8-го января 1900 года, на первых-же выборах в новый Разряд, избранными в почетные академики вместе с Л. Н. Толстым и другими оказались В. Г. Короленко и А. П. Чехов.

Не-безынтересно выяснить, каково было отношение обоих писателей к этому избранию.

Что касается Чехова, то в его переписке имеется немало указаний на более чем сдержанное отношение и к новому своему званию и к самому Разряду изящной словесности. Еще до своего избрания и только по поводу толков о новом учреждении, 9-го февраля 1899 года, он писал к Суворину:

„Часто выдаюсь с академиком Кондаковым, говорим об учреждении Отделения изящной словесности. Он радуется, я же это Отделение почитаю совершенно лишним. Оттого, что Случевский, Григорович, Голенищев-Кутузов и Потехин станут академиками, произведения русских писателей и вообще литературная деятельность в России не станут интереснее. Примешивается только неприятный и всегда подозрительный элемент—жалование... Впрочем, поживем—увидим“.

Предположения Чехова относительно жалования оказались ошибочны: звание академика нового Разряда давалось как почетное—и только. Тем не менее устав Разряда не удовлетворил Чехова, отчасти, как увидим и как это ни странно, именно потому, что устранен был элемент жалования, отчасти потому, что в нем он увидел одну пустую форму. В самый день своего избрания, 8-го января 1900 года, но,

разумеется, не подозревая, что сам он уже почетный академик, Чехов писал Суворину из Ялты:

„Здесь я часто выдаюсь с акад. Кондаковым. Говорим о пушкинском отделении изящной словесности. Так как К. будет участвовать в выборах будущих академиков, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловского. Первый, замученный, утомленный человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конно-жел. дороге так же, как нуждался и служил в молодости. Жалованье и покой были бы для него как раз кстати. Второй же, т.-е. Михайловский, положил бы прочное основание новому отделению и избрание его удовлетворило бы $\frac{3}{4}$ всей литературной братии. Но гипноз не удался, дело мое не выгорело. Добавление к указу это точно толстовское послесловие к „Крейц. Сонате“. Академики сделали все, чтобы обезопасить себя от литераторов, общество которых шокирует их так же, как общество русск. академиков шокировало немцев. Беллетристы могут быть только почетными академиками, а это ничего не значит, все равно как почетный гражданин города Вязьмы или Череповца: ни жалованья, ни права голоса. Ловко обошли! В действ. академики будут избираться профессора, а в почетные академики те из писателей, которые не живут в Петербурге, т.-е. те, которые не могут бывать на заседаниях и ругаться с профессорами“.

Это различие между „настоящими“ и „ненастоящими“ академиками особенно коробило Чехова. Он снова возвращается к этому в письме к Суворину от 23-го января того же года:

„Действ. академиков из писателей не будет. Писателей-художников будут делать почетными академиками, обер-академиками, архи-академиками, но просто академиками—никогда, или не скоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают и которым не верят. Скажите: для чего нужно было придумывать звание почетного академика?“

Как бы ни было, я рад, что меня избрали. Теперь в заграничном паспорте будут писать, что я академик. И доктора московские обрадовались. Это мне с неба упало“.

Иронический тон последних слов не подлежит сомнению. Характерен также отрывок из письма Чехова к М. О. Меншикову от 28 января 1900 года по поводу избрания почетным академиком Л. Н. Толстого: „Толстого выбрали, скрепя сердце. Он по тамошнему нигилист. Так, по крайней мере, назвала его одна дама, действительная тайная советница, с чем от души его поздравляю“.

С течением времени скептическое отношение Чехова к новому учреждению несколько смягчилось, но в общем — Разряд не заинтересовал его. С присущим ему характерным сочетанием своеобразия, ясности и простоты он писал о новом своем звании к Н. И. Коробову (29 января 1900 г.):

„Известие об избрании в академики застало меня в некоторой прострации, когда скверно себя чувствовали и я и мать, так что я и не разобрал как следует, в чем дело, какого вкуса это звание, а потом, когда выздоровел, то уже была привычка к новому положению, так что на вопрос твой, как чувствуют себя академики,—ответить тебе ничего не могу“.

Короткое время после избрания Чехов изредка и шуточно подписывается под приятельскими письмами званием академика („потомственный почетный академик, „Antonio, academicus“), а затем новое звание предается им, повидимому, прочному забвению вплоть до самого инцидента с выборами Горького.

Более или менее сходным было отношение к Разряду и к званию почетного академика и со стороны Короленки. Его, повидимому, лишь особенно заботил вопрос о том, насколько это звание совместимо с положением независимого писателя. В этом смысле интересны два его письма,—к матери и к некоей Н. Вот текст первого из них:

„19-14/1—00 г.

Дорогая моя мамахен.

Как почтительный сын, спешу известить Вас об одном касающемся меня событии раньше, чем Вы получите его из других источников. Вчера узнал (и кажется достоверно),

что я, к своему удивлению, избран „почетным академиком“ по разряду словесности. Это избрание, к счастью, только почетное, не должность и не синекура: жалований никаких не полагается, посещение заседаний не обязательно, хотя в соответствующих заседаниях дается совещательный голос. Одна неприятность все таки неизбежна: придется, кажется, хоть раз взять на прокат фрак и сделать визит (вернее—представиться) президенту академии. Избрано 9 человек,—Л. Н. Толстой, Чехов, Жемчужников, К. Р. (вел. князь—поэт), я, и еще 4, фамилии которых я еще не знаю. Это вчера уже говорил (пока по секрету) А. Н. Пыпин Михайловскому. А так как Пыпин сам академик, то известие достоверно. Вот я и спешу, дорогая мамахен, сообщить Вам об этой неожиданности, пока еще не напечатано в газетах *).

Вскоре же после избрания Короленко получил письмо от одной своей знакомой, в котором она трактовала избрание Короленка, как „грубое прикосновение властной действительности к мифу, сложившемуся вокруг личности и писателя В. Г. Короленка“. На самом письме этом поставлена рукою В. Г. пометка: „?!Не умно“. Черновик ответа Короленка, хранящийся в архиве, таков:

„Многоуважаемая Н. Н.

Всекие „мифы“ вообще рушатся. Это судьба мифов. Важнее то, что есть действительно. Когда меня гнали, я нес это, как умел, и не сделал ничего, чтобы заслужить милость чью бы то ни было. Не сделаю и впредь ничего, чтобы поддерживать чье бы то ни было официальное расположение. Не думаю, однако, чтобы факт с моей стороны чисто пассивный—мог подавать повод для каких бы то ни было важных заключений. Я не избран на какую бы то ни было штатную должность, не иду на какую бы то ни было казенную синекуру. Академия, как учено-литературная корпорация, выразила свое платоническое в данном случае мнение о моих работах, и я не вижу повода отвечать ей пренебрежением,—что конечно означал бы мой отказ. Вот и

*) Далее письмо касается домашних дел. Подписано оно так: „Почтительный сын и российской де-сянс академии почетный член Влад. Короленко“.

все. Полагаю, поэтому, что чувства, Вами выраженные,—при всей их несомненной искренности,—ошибочны. Академия есть только академия, ведь и Вольно-экономическому Обществу титул Императорского не мешает быть общественным учреждением.

Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко*.

Отношение Короленка к существу избрания из приведенных писем совершенно ясно. Это — отношение к формальности, ни к чему писателя не обязывающей. Оставалась еще неприятность, связанная именно с формальной стороной дела,—представление вел. кн. Константину Константиновичу, состоявшему президентом Академии, но и этого случай помог избежать. В письме В. Г. Короленка к Ф. Д. Батюшкову от 9 Февраля 1900 года он пишет:

„Дорогой Федор Дмитриевич.

Я застигнут злым роком: в разгаре инфлуэнцы (сегодня только стало несколько лучше) — вдруг телеграмма от гофмейстера Зеленого: завтра в четверг в 2 часа меня „желают видеть“. А я совсем не уверен, что в состоянии буду явиться. Сухомлинов*) говорил мне, что в таком случае нужно написать просто самому князю, подписавшись: Вашего Императ. Высочества Всепреданнейший Слуга. Вот я и заготовил на всякий случай письмо и думаю отправить оное завтра утром (с комиссионером — можно ли, как Вы думаете?).

Но если завтра мне станет значит. лучше с утра, то — предаю (или всепредаю) себя на волю рока. При таковых тесных обстоятельствах мысль моя невольно обращается к Вам. Во 1-х — в изложенном плане нет ли какого lapsus'a (Вы человек более меня сведущий), а во 2-х — нет ли у Вас стихотворений К. Р. На всякий случай, когда предстоит разговор с автором, — не мешает освежить в памяти его произведения. Кто знает, какой оборот может принять разговор. Ради Бога только — не хлопчите, если нет, и не

*) Мих. Ив. Сухомлинов, академик. В 1900 г. состоял председателем Отделения Рус. языка и Словесности Акад. Наук. Ум. в 1901 г.

наводите никаких справок. В конце концов — такой же человек, как и все, и полагаю — не беда, если получит письмо и не по форме.

Пожалуйста не хлопчите.

Жму руку

19-9/II—00 г.

Ваш Вл. Короленко“.

Аудиенция не состоялась. В записной книжке-календаре Короленка за 1900 год под 9-м Февраля значится: „получена телегр. гофмейстера Зеленого (Ильи Андр.) В. Кн. Конст. К. хочет видеть завтра в 2 ч. (ответил: болен)“.

В то время Короленко жил еще в Петербурге; в той же записной книжке отмечено участие его в одном из заседаний Академии, но, кажется, это участие было и последним вплоть до инцидента с выборами Горького: в том же 1900 году В. Г. переехал на жительство в Полтаву, в Петербург являлся он только по делам и не часто, всегда торопясь поскорее уехать. Заочное его участие в делах академии свелось к подаче бюллетеней при выборах почетных академиков. Так, сохранилась копия его избирательного бюллетеня, посланного после получения повестки от 30 ноября 1901 года, приглашавшей Короленка принять участие в выборах (в этом бюллетене выставлены имена четырех кандидатов: К. К. Арсеньева, П. Д. Боборыкина, Д. Н. Мамина-Сибиряка и Н. К. Михайловского).

II.

1-го марта 1902 года в „Правительственном Вестнике“ было напечатано следующее сообщение:

„На состоявшемся 21 минувшего февраля соединенном заседании отделения русского языка и словесности Императорской академии наук и разряда изящной словесности закрытою баллотировкою шарами были произведены, согласно с существующими постановлениями, выборы в почетные академики разряда изящной словесности. Избранными оказались: Александр Васильевич Сухово-Кобылин и Алексей Максимович Пешков („Максим Горький“)“.

Как выяснилось уже после революции 1917 года *), вырезка приведенного выше официального сообщения была наклеена, по приказанию министра внутренних дел, на лист бумаги и вместе со справкой департамента полиции о политической неблагонадежности Горького, специально для этой цели составленной, была представлена Николаю II. Царь положил на этом докладе следующую резолюцию:

„Более чем оригинально“.

Из этого-то краткого изречения разрослась вся дальнейшая история... Бывший тогда министром народного просвещения генерал Ванновский по-своему расшифровал царскую резолюцию, придав неприятному изумлению царя характер категорического приказа. 9 марта президенту Академии, великому князю Константину Константиновичу было препровождено от министра народного просвещения следующее конфиденциальное сообщение:

„Ваше Императорское Высочество. Государю Императору благоугодно было мне Высочайше повелеть, чтобы в ближайшем номере „Правительственного Вестника“ было напечатано от Императорской Академии Наук сообщение следующего содержания: „В виду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию Отделений Русского языка и Словесности и Разряда Изыщной словесности Императорской Академии Наук—выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова — псевдоним „Максим Горький“, привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 устава уголовного судопроизводства,—объявляются недействительными“. Доводя о том до сведения Вашего Императорского Высочества, прошу зависящих к выполнению Высочайшего повеления распоряжений“.

Уже на другой день, 10-го марта, соответствующее сообщение было напечатано в „Правительственном Вестнике“ с заглавием: «От Императорской Академии Наук».

Слухи об осложнениях с избранием Горького проникли в общество еще ранее этого оповещения. Уже 9-го марта

*) См. „Былое“, июль 1917 г.

Ф. Д. Батюшков, связанный личным знакомством со многими академиками, писал к Короленку: „Говорят, возникают осложнения с его (т.-е. Горького) выбором в почетные академики, так как он находится под следствием. Но неужели же решатся кассировать выборы!“

Однако, еще до получения этого письма, В. Г. из агентских телеграмм ознакомился с текстом сообщения, напечатанного в „Правительственном Вестнике“. Он тотчас же телеграфировал Батюшкову просьбу сообщить подробности происшедшего и, еще не дождавшись ответа, пишет к нему:

„Полагаю, Вы догадались, что я телеграфировал по прочтении в газетах краткого сообщения об инциденте с Горьким. Поразило меня это известие чорт знает как. Прежде всего — „дознание“ не есть законный повод для неутверждения каких бы то ни было выборов. Значит, это незаконное вмешательство „административного порядка“ со всем его произволом в дела уже Академии. Я убежден, что то чувство, какое испытал я, — разделяют и многие академики, значит будут заявления о созвании экстренного собрания. Если да, то я, по получении известия, немедленно еду в Петербург, чтобы участвовать в заседании. Конечно, нужно ждать более подробного сообщения (я прочел только в краткой агентской телеграмме), — но... Господи, какая это большая глупость! Как будто нарочно, чтобы придать факту как можно больше огласки и шума. Почета, оказанного Горькому выбором, все равно не устранишь; но к этому прибавлено мелочное раздражение „правительства“, незаконный акт и — оскорбление всем нам, выбиравшим. Неужели это сделано с ведома Конст. Константиновича и неужели он не отстаивал права Академии?...

Одним словом, — вышло чорт знает что, и, по моему, заседание Академии необходимо. Неужели его не будет? Мне сейчас, по моим делам, ехать неудобно, но я решил все бросить и ехать, как только получу известие о заседании. В противном случае — придется подумать о том, как же выйти из этого глупого положения — уже сепаратно.

Пишу, кажется, довольно, бессвязно, потому что все еще не могу вполне спокойно и сдержанно относиться к „привычным“ впрочем неожиданностям нашей русской жизни. Сознаю, впрочем, что сдержанность необходима и хотелось бы думать, что „высшее научное учреждение“ сумеет выйти с достоинством из этой истории (пишу также Арсеньеву, прося раз'яснить юридич. сторону этого дела)“.

В тот же день, 11-го марта, ближайший друг В. Г. Короленка, Н. Ф. Анненский, в то время находившийся в ссылке в Финляндии, ознакомившись также лишь с правительственным сообщением, пишет к Короленку:

„Куоккала 11/III 902.

Дорогой

Владимир Галактионович.

Сейчас прочел в „Новом Времени“ об'явление от Академии Наук о кассации выбора в академики Максима Горького. Вероятно, Вы уже будете иметь это об'явление в руках до получения моего письма. Но на случай его прилагаю. Ст. 1035 говорит о порядке производства дознаний по делам о „государственных преступлениях“ — чинами корпуса жандармов, на правах следователей. Так что глухая ссылка на эту статью означает только, что Горький привлечен к обвинению политического характера, что давно всем известно и не могло не быть известно и академикам его баллотировавшим. Ссылка на то, что они совершили грех „по незнанию“ приобретает, поэтому, сугубо унижительный характер. Вообще весь этот эпизод очень позорен; в особенности если сопоставить с ним газетные толки. Выходит так, что Мещерский закричал „караул“, обвинил Академию в „измене“ и ученое сословие, во главе которого стоит Великий князь Президент, председательствовавший на выборах, немедленно разыгрывает (в гоголевские дни!) *) роль слесарши Пошлепкиной. Симптоматическое значение этого факта очень серьезное: показывает он, что дикая

*) В связи с 50-летием смерти Гоголя.

сипягинская реакция господствует безраздельно, заставляя даже забывать все официальные приличия. А еще на-днях упорно ходили слухи, что вследствие столкновений с Ванновским, Драгомировым и еще с кем то Сипягин подавал в отставку и отставка его принята. Выходит однако не так.

Но не эта сторона дела меня особенно волнует; волнует так, что не могу не взяться за перо и не излить Вам душу немедленно по прочтении газетного известия. Лишний реакционный шаг и притом шаг со всех точек зрения глупый—это вещь, к которой уже можно попривыкнуть! Но в данном случае больно он чувствуется, ибо косвенно и Вас затрагивает, а за Вас не могу не волноваться, как за себя. Ведь положение вас, почетных академиков, делается совершенно невозможным в составе учреждения, которое квалифицирует писателей по их политической благонадежности. Только до тех пор, пока никакая „политика“ в дела разряда „изящной словесности“ не имела входа и мог существовать союз вольной литературы и официальной академии. Но теперь эта независимость грубо нарушена, и мне кажется, никакими юридическими софизмами нельзя оправдать и внешней необходимости с легальной точки зрения, постановления о кассации выборов. В положении о почетных академиках—сколько я помню—нет никаких указаний на ограничение прав „подследственных“ или жандармами заподозренных литераторов.

Конечно, нужно собрать точные сведения обо всех обстоятельствах этого дела. Если я чтонибудь узнаю, сейчас Вам напишу. Да и без меня, без сомнения, Вы узнаете все. И предпринять чтонибудь почетным академикам нужно сговорившись и обдумавши. Но я не мог, просто по непосредственному импульсу, сейчас же, ничего еще подробно не зная, не заговорить с Вами.

Что Вы намерены предпринять? Ведь единичный Ваш отказ будет иметь меньшее значение, чем какойнибудь коллективный шаг группы академиков. Не думаете Вы списаться с Толстым, Чеховым, Арсеньевым, Жемчужниковым

или с кемнибудь из них? Я здесь сижу в закутке, никого не вижу, ничего не знаю, и потому не могу сейчас сообщить Вам никаких сведений, которые могли бы ориентировать Вас в настроении в Петербурге пребывающих академиков. Напишу Фед. Дмитриевичу, — он вероятно более знает. Затем всех наших*) увижу в четверг (на именинах Венедикта**) и все слухи сообщу Вам. А теперь ставлю точку этому мало складному посланию.

Обнимаю Вас и всех ваших. До свидания в апреле (а может и ранее?).

Ваш Н. Анненский“.

Между тем „ликвидация“ избрания Горького, ликвидация характерно бюрократическая и при том бесцеремонно-топорная, шла своим чередом. 12-го марта президент Академии получил за подписью Владимира Бирилева следующее конфиденциальное сообщение:

„Ваше Императорское Высочество. Считаю долгом почтительнейше доложить Вашему Императорскому Высочеству, что мною вместе с сим сообщено для соответственных распоряжений исправляющему должность Таврического губернатора об отобрании от А. М. Пешкова („Максима Горького“) посланного ему от Императорской Академии Наук извещения об избрании его в почетные академики“.

13-го марта, получив письмо Батюшкова от 11-го и ответ на свою телеграмму, Короленко пишет к нему:

„Прочитав краткое известие о кассации выборов, я думал, что будет заседание специально по этому поводу. Меня очень озадачило слово „дознание“, которое ведь не есть „следствие“ и—выборных прав не лишает...“

13-го же Батюшков пишет снова к Короленку, излагая историю так, как она (не верно, но очень характерно) была доложена академикам:

*) Т.-е. членов редакции „Русского Богатства“.

**) В. А. Мякотина.

„Вчера же состоялось..... заседание, на котором приглашены были почетные академики, чтобы заслушать Высочайшую резолюцию: с Вас, избирателей, ответственность снята, так как против Высочайшей воли ничего нельзя. Выбор Горького, как и вообще почетных академиков, по уставу, не подлежит ничьему другому утверждению. Опротестовал выбор, конечно, Сипягин, ссылаясь на то, что Горький под следствием, по обвинению в подстрекательстве с целью произвести переворот. Но придаться к выборам нельзя было и потому оставалось только прибегнуть к Высоч. воле. По настоящему так бы и следовало опубликовать. Но президент взял вину на себя. Как бы то ни было факт избрания — нельзя уничтожить; он состоялся и перейдет в историю; станут достоянием истории и последствия. Здесь было стали говорить о том, что не худо бы почетн. акад. подать в отставку, но одинокие выходы не имели бы значения. Вот, как отнестись к следующим баллотировкам—это вопрос... Жаль, что ни Вас ни Чехова нет на лицо“.

14 марта В. Г. Короленко обратился с письмами, касавшимися чисто литературных вопросов, к А. П. Чехову и Максиму Горькому. Чрезвычайно характерно и должно быть особенно подчеркнуто то обстоятельство, что в письме к Чехову, судя по сохранившейся копии, Короленко ни словом не обмолвился по поводу академического инцидента. Едва ли мы ошибемся, истолковав это обстоятельство, как нежелание со стороны Короленка хоть в малой мере побуждать Чехова к тому или иному реагированию на академическую историю. Ему была хорошо известна черта самостоятельности и независимости в духовном складе Чехова, и, как увидим] ниже, он впоследствии решительно протестовал против мысли, что, слагая с себя звание академика, Чехов действовал под чьим бы то ни было влиянием. Мы обращаем сугубое внимание на указанное обстоятельство, ибо до самого последнего времени этой стороне истории дается неправильное освещение даже в серьезных трудах. Так, в изданных под редакцией Б. Л. Модзалевского письмах В. Г. Короленка, принадлежащих Пушкинскому Дому при Академии Наук (В. Г. Короленко в письмах“, изд.

„Время“, Петербург 1922 г.) на стр. 204 в редакционном примечании прямо так и сказано, что Короленко „склонил“ Чехова к уходу из Академии. Это — безусловно неверно. С другой стороны в изданных под редакцией того же Б. Л. Модзалевского новых письмах А. П. Чехова, принадлежащих также Пушкинскому Дому („Чехов“ изд. „Атеней“, Петербург 1922 г.) в одном месте говорится (в примечании редактора) об уходе из Академии Чехова, „а за ним и Короленко“. В другом месте той же книги еще определеннее: „отставка... была послана Чеховым 25 августа, а вскоре отправил свое заявление и Короленко“. Это тоже неверно: Короленко отправил свое заявление с отказом от звания академика ровно за месяц до аналогичного отказа Чехова, а именно 25 июля 1902 года.

В черновике письма к Горькому мы находим несколько строк, касающихся академического инцидента:

„...прочел в телегр. о „кассац.“ выборов. Ничего пока не понимаю и тотчас написал в Пб., прося раз'яснений. Во всяком случае ясно одно: сущность почетного выбора — в самом выборе: ни чинов, ни жалования, ни обязательств он за собой не влечет. Факта же избрания ничем уничтожить нельзя. Удивительная кассация!“

В постскриптуме читаем:

„Еще одна просьба: сообщите мне, пожалуйста, что это за дознание, под коим Вы состоите, когда оно началось, когда и в какой форме Вам об этом объявлено, пред'являлись ли какие ниб. обвинения? Простите этот тоже своего рода допрос, но с моей стор. это не праздное любоп. Если не трудно, письмо пошлите зак.“

К своему ответу на это письмо Горький приложил копию краткой, но весьма любопытной своей переписки с Таврическим губернатором.

„И. д. Тавр. губернатора.

Конфиденциально.

М. Г. Алек. Максимович!

Императорская Академия Наук обратилась ко мне с просьбой возвратить ей посланный на Ваше имя пакет за

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ХНУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

Інв. №

2

БІБЛІОТЕКА
Обл. Правління Спілки
Рад. Інститутів

18048036

2052

№ 198, выданный Вам 3-го сего марта с извещением об избрании Вас в почетные Академики.

Сообщая Вам об этом, имею честь просить Вас возвратить мне по прилагаемому адресу пакет Академии Наук с извещением за № 198. Прошу принять уверения и т. д.

К. Истинский.

М. Г. А. М. Пешкову.

15-го марта 1902 г. Симферополь“.

„Его Прев. г. и. д. Тавр. губери.

Уведомление о том, что я избран почетным академиком было получено мною непосредственно от Академии Наук,—полагаю, что и с просьбой о возврате этого уведомления Академия должна обратиться непосредственно ко мне, мотивировав эту просьбу точным — на основании устава об учреждении Отдела Изыщной Словесности при Ак. Наук—изложением причин, по силе которых Академия считает необходимым просить меня о возврате документа.

Покорно прошу В. Пр. сообщить Академии это письмо.

А. Пешков“.

Тем временем, частью в ответ на свои вопросы, частью независимо от них — Короленко получал сообщения как о подробностях инцидента, так и о вызванном им настроении в литературных и общественных кругах. Так, Н. К. Михайловский в письме от 15 марта кратко сообщал:

„У нас здесь много волнений по случаю эпизода с Горьким. Думают и гадают, как поведут себя почетные академики“.

В письме от того же числа Н. Ф. Анненский дает моральную оценку события и характеризует различное отношение к нему представителей литературы и общест-венности:

„Куоккала 15/III—902 г.

Дорогой

Владимир Галактионович!

Фактическая сторона академического эпизода несколько выясняется (хотя по прежнему в подробностях слухи противоречивы, а сведений из первых рук не имею). Во всяком случае думаю, что первое мое впечатление, которое Вам передал, было правильное — Академия нравственно убита, а теперь оказывается, что отношение к происшедшему петербургских академиков только вколачивает гвозди в крышку гроба учреждения.

Академии было предписано сверху об'явить выборы Г. недействительными. Министр нар. просвещ. сообщил и форму, в которой об'явление должно быть сделано — с указанием, что форма эта не подлежит никакому изменению. И требование это было выполнено даже до созыва общего собрания Академии или коллегии, производившей кассированные выборы. Собрание это происходило в понедельник, а об'явление в „Правит. Вестнике“ напечатано было в воскресенье. Что происходило на этом собрании — сказать не могу; говорят оно было „бурное“, но во всяком случае буря была в стакане воды. По крайней мере ни сколько она нравственной атмосферы не расчистила. Во 2-м отделении (с Разрядом изящной словесности) теперь вырабатываются новые правила о выборах почетных академиков, которые должны устранить возможность таких „при-скорбных недоразумений“, как произошедшее только что. Говорят об обязательных справках и сношениях с Д-том полиции, как это делается при определении на службу, об указании в правилах случаев, когда лицо (находящееся под следствием и судом и т. п.) не может избираться и т. д. Очень может быть, что во всем этом много вздора и преувеличения, но в каком направлении и в каких целях имеет быть произведен пересмотр это понятно и конечно не к подтверждению академической свободы и независимости от политики он проведется...

Как относятся ко всему этому эпизоду в публике? Не берусь сказать, — но два течения (в лагере порядочных

людей) обнаруживаются заметно. Одно — примирительно оппортунистическое: говорят, что здесь *force majeure*, с которой следует считаться, что „самый факт выборов во всяком случае не может быть стерт“ и в этом находят некоторое нравственное удовлетворение; высказываются надежды на будущие правила и т. д. и т. д. Другой взгляд сходится на том, что бывают известные положения, когда вопросы политической чести и достоинства выступают настолько резко, что всякие оппортунистические соображения о полезности и целесообразности отодвигаются назад. И что данный случай относится именно к этой категории.

К сожалению, нужно кажется признать, что петербургскими академиками этот последний взгляд не разделяется. На какой стороне мое личное мнение — Вам нечего спрашивать, также как и мне нечего у Вас спрашивать. Конечно, из всех академиков Ваше положение в „реформированной“ Академии было бы самое невозможное. Да и теперь оно уже невозможно, и чем скорее Вы отряхнете прах от ног своих, тем будет лучше: Как это сделать с тактом, достоинством и без крика — Вам нечего подсказывать... Мы, Ваши друзья, можем только просить Вас волноваться меньше (если это возможно, в чем сомневаюсь, судя по тому, как сам за Вас волнуюсь).

Журнальные гири, к Вашим ногам привязанные, не принимайте в расчет. Мы с Н. К. *) смотрим на теперешнее обстоятельство так же как на те, при которых произошла наша приостановка. **)

Крепко Вас обнимаю.

Ваш Н. Анненский.

*) Н. К. Михайловский.

**) Последние слова письма весьма характерны: Н. Ф. Анненский устанавливает здесь аналогию с эпизодом недавнего прошлого „Русского Богатства“, когда, в связи со статьей этого журнала по финляндскому вопросу (в 1899 г.) от редакторов потребовали, под угрозой полного прекращения журнала, чтобы было напечатано опровержение по существу верных фактов. Редакция отказалась, и журнал на время был приостановлен. Повидимому, и в эпизоде с Горьким, где вопрос шел о протесте против «высочайшей воли» со стороны одного из редакторов «Рус. Бог.», можно было опасаться удара по журналу. Как мы видим, товарищи В. Г-а по редакции в этом отношении развязывали ему руки.

Одно время думал, что Вы собираетесь сами сюда. Если так, приезжайте скорее“.

Того же 15-го марта, отвечая на запрос Короленка, К. К. Арсеньев, также почетный академик, выяснял юридическую сторону инцидента:

„15-го марта.

Глубокоуважаемый

Владимир Галактионович, законность распоряжения, вследствие которого выбор А. М. Пешкова признан недействительным, и в моих глазах представляется сомнительной, хотя в подтверждение ее можно сослаться на запрещение поднадзорным публичной деятельности. Как бы то ни было, обжаловать это распоряжение нельзя, потому что некому жаловаться: оно идет от самой верхней инстанции. Соединенное заседание отделения и разряда состоялось 11-го числа, но вопрос об обжаловании в нем по вышеуказанной причине вовсе не возникал. Повелено приступить к пересмотру правил о поч. академиках. Весьма желательно было бы Ваше участие в заседании, где будет устанавливаться редакция новых правил. Не обратитесь ли Вы к председателствующему в Отделении, А. Н. Веселовскому, с просьбою уведомить Вас о дне заседания на столько заблаговременно, чтобы Вы могли принять в нем участие? Крепко жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

К. Арсеньев“.

Уже из приведенных выше писем можно заметить, что то, что являлось для Короленка и в значительной мере, как ниже увидим, для Чехова центром эпизода, ставившим в тяжелое нравственное положение почетных академиков — ложность правительственного сообщения, заявлявшего от имени Академии и академиков то, что продиктовано было правительством и академикам даже не было известно, — это обстоятельство для других казалось чем-то второстепенным. Так, в письме от 16-го марта Батюшков между прочим писал:

„...Дело обстоит так: всего получено было на имя презид. Академии три бумаги от мин. Народного Просвещ. В первой сообщалось, что Государь выраж. свое огорчение (sic) по поводу выбора лица, привлеченного к дознанию по подозрению в антиправительствен. деятельности.

Во второй сообщалась Высоч. воля, чтобы выбор признан был недействительным, тк. кк. лицо, привлеченное к дознанию, лишено права быть членом собрания и участвовать в баллотировках.

В третьей—предлагалось академикам пересмотреть устав и выработать организацию выборов и функций почетн. академиков.

Высоч. воля признается в России *force majeure*, и единственная неправильность, в которой повинился президент, что в газетах сообщен был приказ—от имени самой Академии.

В состав Комиссии по выработке новой организации вошли—Кони и Потехин из числа почетн. акад., и Шахматов и Ламанский из действительн. академиков. Когда они выработают проект, то вновь будет созвано общее собрание. Вот все, что я знаю. Мое мнение, что сепаратный выход будет истолкован как протест против Высоч. воли и кроме вреда уходящему никакой пользы делу не может принести. Алекс. Ант. *) говорил, что в первую минуту обсуждался вопрос о выходе „в отставку“ избирателей, но никакой „отставки“ подавать нельзя, когда не состоишь на службе. Затем ссылка на какой то параграф законов, что лицо, привлеч. к дознанию, лишено права участия в собраниях и т. д.—давала формальную прицепку к кассированию выборов. По моему (опять таки сужу субъективно) вопрос лишь в том—какую представится новая организация и при следующих выборах, когда, надеюсь, окончено будет дознание и Горький будет реабилитирован в своих правах,—состоится ли тогда его утверждение в звании, которое всячески за ним“.

*) О ком идет речь—неизвестно.

На ту же „высочайшую волю“, как на момент, лишаящий возможности протеста против происшедшего, желал, повидимому, обратить внимание Короленка академик и А. А. Шахматов, узнавший, вероятно, от Батюшкова о резком отношении В. Г. к ставшему перед академиками вопросу. Он писал к Короленку:

„Многоуважаемый

Владимир Галактионович!

Считаю долгом сообщить Вам, как своему товарищу по Академии, что известное Вам правительственное сообщение о неутверждении Горького сделано по Высочайшему повелению, при чем самый заголовок сообщения извлечен из того же Высочайшего повеления.

Искренно преданный А. Шахматов.

16 марта 1902 г.“

Насколько различно было отношение к инциденту в среде русского общества, видно уже из того, что таким глубоко-честным людям, как покойный Батюшков, к тому же лично близко стоявший к Короленку, лишь постепенно выяснилось, что в данном случае речь шла для Короленка не столько о том, будет или не будет Горький академиком, законно или с нарушением формального закона произошли его выборы, сколько о бесперемонности власти, заявлявшей от имени академиков, а стало быть и от имени Короленка, то, о чем он даже не был осведомлен, чем явно наносилось оскорбление самому достоинству писателя. В этом смысле интересен нижеследующий обмен письмами между Батюшковым и Короленком. Первый писал между прочим (17 марта).

„.....всего в письмах не перескажешь, так что я надеюсь, что Вы все-таки приедете,—хорошо бы списаться Вам и с Чеховым. Сегодня я утром с'ездил в Финляндию к Ник. Фед., который настоящий холерик по темпераменту. Я стою только за большую обдуманность поступков, и кроме того, кстати, вчера из доклада запомнил

интересную цитату: „зачем я свою совесть отдам на суд чужой совести“—сказал апостол Павел. Глубокие слова. У каждого своя совесть и поступает человек сообразно ее указаниям. Мне претит, когда другие за меня решают и говорят—ты должен так или иначе поступить. Единственное право друзей—это представлять данные к сведению и соображения, которые могли придти или же не приходили в голову, на всякий случай. Раз я уверен в человеке, меня не могут смутить соображения о том, что будут говорить—те же Марьи Алексеевны под другими именами и из другой среды. И решает каждый человек за себя, что должно, что не должно. Но мнения собрать не бесполезно; нельзя не считаться и с тем соображением, что бывают *force majeure*, против которых вооружаться так же бесполезно, как бить лбом об стену: расшибиться не трудно, но кому от этого прок. Наконец, есть возможность отстоять свое достоинство в том как раз, чтобы стоять за соблюдение законности: если это окажется невозможным и *force majeure* все покрывает, тогда, конечно, остается лишь отстраниться, признав, что мы еще не дозрели до самостоятельных учреждений. Однако, кажется я становлюсь слишком туманен“.

На это Короленко отвечает:

„24 марта 1902 г.

Дорогой

Федор Дмитриевич!

Пишу лишь несколько слов, так как, вероятно скоро увидимся. Я еще не получил ответа Веселовского (которому написал на Академию 18-го марта), но думаю все-таки ехать, чтобы быть на-готове в случае, если будет заседание. А то эта затяжка *à la longue* мешает мне спокойно работать. К тому же вижу, что и друзья мои спорят и портят себе кровь, тогда как в главном пункте дело, по моему, совершенно ясно. „Княгиня Марья Алексеевна“—разумеется особа весьма неосновательная и что она „станет говорить“—дело неважное, тем более, что, как ни реши, она все-таки говорить станет. Но... разве это „княгиня Марья Алексеевна“

выдумала разные „старые истины“ относительно личного достоинства, которое для писателя все—в искренности его „мнений“, от которых нельзя ведь отделаться по внешнему приказу. Впрочем, не стану распространяться, так как не хочу много говорить об этом прежде времени. Во всяком случае, считаю, что присутствие или отсутствие Горького, меня, кого бы то ни было в Академии—совершенный пустяк. Но есть тут и не пустяк“.

Ответа от Веселовского, о чем упоминается в процитированном нами письме, Короленко ждал на свое письмо к нему от 17 марта следующего содержания:

„Глубокоуважаемый

Александр Николаевич.

Мне пишут, что предстоит заседание Отдела Словесности для пересмотра устава (повидимому в связи с выбором А. М. Пешкова). Предмет этот очень важен, и я считаю своей обязанностью присутствовать в заседании. Буду очень признателен, поэтому, за извещение, хотя бы приблизительно, о дне заседания, чтобы я мог заблаговременно прибыть в Петербург.

Прошу принять уверение в искреннем моем уважении к Вам.

Вл. Короленко.

19—17/III-02 г.

Полтава, Александровская ул. д. Старицкого“.

„19-го марта, отвечая на вышеупомянутое письмо Короленка, касавшееся общелитературных дел, Чехов (в переписке этого периода первый) коснулся и академического инцидента:

„Сегодня я получил письмо от одного ординарного академика такого содержания: „Вчера было особое заседание (вчера—11 марта) Разряда Изыщной Словесности, опять в Мраморном дворце, посвященное тому же инциденту с

Максимом Горьким. Прочли Высочайший выговор, изложенный в словах, что Гос. „глубоко огорчен“ выбором и что мин. Нар. Просв. предлагает отныне представлять всех кандидатов на усмотрение его и М-ва Вн. Дел“.

М. Горький, кстати сказать, проживает в настоящее время в Оленино, сегодня был у меня. Л. Н. Толстой выздоравливает“.

Как мы видим, пока—это только уведомление без указания на свое отношение к происшедшему и на свои намерения так или иначе на него отозваться.

Того же числа Короленко отвечал на приведенное выше письмо академика Шахматова. Характерно, что он не коснулся его существа, а просит лишь о том же, о чем просил и Веселовского: уведомить о дне академического заседания:

„Глубокоуважаемый А. А.

Простите, пожалуйста, что пользуюсь литературными инициалами вместо полного имени—отчества, но у меня на имена память очень плохая.

Я искренно Вам признателен за Ваше товарищеское письмо с извещением об обстоятельствах пресловутой кассации наших выборов. Ваша доброта дает мне повод обратиться к Вам с просьбой еще об одной товарищеской услуге. Третьего дня я послал А. Н. Веселовскому (в Академию, как пишу и Вам за незнанием адреса)—письмо, в котором прошу известить меня заблаговременно о дне будущего заседания Отдела. Я слышал, что в этом заседании будет обсуждаться вопрос о пересмотре устава в связи с инцидентом Пешкова-Горького и считаю необходимым для себя явиться в это заседание. Теперь мне очень важно знать,—будет ли это заседание в скором времени, или оно будет отложено надолго. Будьте любезны до конца и сообщите об этом. Если же срок заседания уже близок, то буду очень признателен за ускоренный ответ телеграммой.

Искренно Вас уважающий

Вл. Короленко.